

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ / HISTORY AND REMEMBRANCE IN CONTEMPORARY POLITICS

Серия «Политология. Религиоведение»

2013. № 2 (11), ч. 2. С. 301–316

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 317.4

«Фукусима: социокультурные последствия катастрофы»: российско-японский семинар*

Д. В. Козлов, С. И. Кузнецов

*Межрегиональный институт общественных наук
при Иркутском государственном университете, г. Иркутск
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

Данный семинар посвящен подробному рассмотрению последствий негативного влияния агрессивных факторов окружающей среды (таких как землетрясения, цунами и т. д.) на социальную, политическую, экономическую, психологическую, культурную и историческую сферы государства, его население. Обсуждение основывается на опыте Японии по преодолению последствий фукусимской катастрофы, в ходе которой проявились как природные, так и антропогенные факторы. В рамках семинара рассматривались вопросы воспроизводства в разных странах исторической памяти о событиях, связанных с социальными, политическими и культурными потрясениями. В частности, сопоставлялся японский опыт исторической реакции на события атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и реакции на фукусимскую катастрофу.

Ключевые слова: Фукусима, историческая память, воспроизводство, травма.

15 декабря 2012 г. Межрегиональный институт общественных наук и кафедра мировой истории и международных отношений ИГУ провели российско-японский семинар «Фукусима: социокультурные последствия катастрофы».

Ежегодно в мире вследствие агрессивного воздействия факторов среды происходит утрата многочисленных памятников истории и культуры, тысячи объектов культурного наследия находятся под угрозой уничтожения. Несомненно, что этому негативному процессу может и должна быть противопоставлена активная государственная политика на всех территориальных уровнях по последовательному снижению факторов экологического риска для культурного наследия.

В этой связи большой интерес представляет опыт Японии по преодолению последствий фукусимской катастрофы, в ходе которой проявились как природные, так и антропогенные факторы. В рамках семинара предполагалось

* Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0258 и в рамках Программы стратегического развития ИГУ, тема Р222-МИ-002.

лось также обсудить проблемы воспроизводства (в виде трансляции, табуирования, манипуляции) исторической памяти в разных странах о событиях, связанных с историческими социальными, политическими и культурными потрясениями. В частности, японский опыт исторической реакции на события атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также реакции на фукусимскую катастрофу интересно сравнить с российской реакцией на последствия социалистической модернизации Сибири, получившей столь яркое отражение в творчестве В. Распутина и в других произведениях представителей «деревенской прозы». Но, естественно, реакция на социалистическую модернизацию не сводится только к литературе, эти же темы можно исследовать и на материалах других источников.

Семинар проводился в рамках Договора о сотрудничестве между Иркутским университетом и университетом Хоккайдо (Япония). С основным докладом выступил Като Хирофуми – профессор Центра северных культур университета Хоккайдо и университета в Оксфорде.

Публикуем стенограмму главных выступлений участников семинара и материалы дискуссии.

Реакция российских СМИ на события 11 марта 2011 г. в Японии

С. И. Кузнецов (доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой мировой истории и международных отношений ИГУ)

Прошло уже более полутора лет со дня великого землетрясения в Японии (11 марта 2011 г.). Прозвучало множество оценок, прежде всего, конечно, оценивается ситуация экологическая и экономическая, подсчитывается ущерб, хотя последнее делать, думается, еще рано. Стоит хотя бы кратко напомнить об этих событиях. 11 марта 2011 г. у восточного побережья острова Хонсю произошло землетрясение с магнитудой от 9,0 до 9,1 балла. Оно уже получило название Великого восточнояпонского землетрясения. Это сильнейшее землетрясение в фиксированной истории Японии и седьмое, а по другим оценкам даже четвертое, по силе за всю историю сейсмических наблюдений в мире. Однако по количеству жертв и масштабу разрушений оно уступает землетрясениям в Японии 1896 и 1923 (тяжелейшему по последствиям) годов. Землетрясение произошло на расстоянии около 70 км от ближайшей точки побережья Японии. Как показал первоначальный подсчет, волнам цунами потребовалось от 10 до 30 минут, чтобы достичь первых пострадавших областей Японии. Через 69 минут после землетрясения цунами затопило аэропорт Сэндай (г. Натори, преф. Мияги).

Землетрясение в Японии и последовавшее за ним цунами невиданных масштабов и особенно вызванная им авария на АЭС «Фукусима-1» стали сильным потрясением для мирового сообщества. Япония по праву считается передовой державой в области подготовки и реагирования на стихийные бедствия и обеспечения безопасности атомной энергетики. Поэтому не будет большим преувеличением сказать, что сам факт нанесения стихией большого урона и возникновения крупной аварии именно в этой стране пошатнул фундамент представлений человечества о цивилизации.

Вместе с тем подобные события вызывают и массу других вопросов, которые также нуждаются в осознании, изучении и интерпретации. К таковым относятся, в частности, и международные отношения, и проблемы психологии и взаимоотношения между людьми, реакция в окружающем мире, проблемы уничтожения и сохранения исторического наследия и т. д.

Как пример весьма своеобразной рефлексии на события приведем высказывание бывшего президента Д. Медведева по поводу того, что японцы в случае чего смогут поселиться в городах Сибири и Дальнего Востока: на последнем заседании Совета Безопасности он заявил о необходимости оказания Японии гуманитарной помощи, а также предоставления пострадавшим людям мест в российских санаториях и домах отдыха. Кроме того, президент предложил разработать варианты трудоустройства японских граждан на Дальнем Востоке и в Сибири. По информации агентства РИА «Новости», президент особо подчеркнул возможность использования рабочего потенциала японцев на обширных территориях Дальнего Востока и Сибири, которые мало населены [3]. В. Жириновский пошел еще дальше – предложил японцам ехать в Магадан: «Политик считает, что Россия сможет без ущерба разместить граждан Японии на своей территории. По его словам, для этого наиболее подходят Дальний Восток и Восточная Сибирь. Начать заселение российской территории японцами он посоветовал с Магаданской области» [2]. Эти высказывания встретили живой отклик и на местах. Так, Общественная палата Хакасии обратилась к главе региона Виктору Зимину с просьбой официально пригласить в республику граждан Японии на постоянное место жительства. «Сегодня весь мир следит за катастрофой, происходящей в Японии. Помимо громадного числа человеческих жизней, оборвавшихся в результате стихийного бедствия и техногенной аварии, Япония столкнулась с проблемой радиоактивного заражения территорий. Поддерживая инициативу президента РФ Дмитрия Медведева, Общественная палата республики просит рассмотреть возможность приглашения в Хакасию граждан Японии на постоянное место жительства, а также для восстановления здоровья и психологической реабилитации детей», – говорится в обращении. Представители Общественной палаты уверены, что жители республики с пониманием отнесутся к такой помощи, ведь в разные годы им приходилось помогать репрессированным немцам, полякам, украинцам, трудившимся здесь после Второй мировой войны японским военнопленным. «Кроме этого, японские специалисты могут внести значительный вклад и в развитие экономики республики, во внедрение новых технологий, в привлечение инвестиций», – говорят они [9].

Была ли в Японии какая-то реакция на эти высказывания? Например, известный журналист Найто Ясуо, специализирующийся на российских проблемах, в газете *Sankei express* в статье от 7 апреля (размещена на русскоязычном сайте японского исследовательского института «Евразия 21») полагает, что президент Медведев пригласил в Россию пострадавших от бедствия японцев, чтобы при необходимости использовать их в качестве рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке, т. е. в регионах, как пишет Найто, высокой утечки населения, которая, как он полагает, не дает покоя президенту [5]. Из-

вестный российский журналист-японовед В. Овчинников более трезво оценил заявления российских официальных лиц: «Недавно из уст президента Медведева риторически прозвучала мысль о такой форме помощи, как использование на нашем Дальнем Востоке японских трудовых ресурсов. Учитывая особенности демографической структуры Японии, не думается, что это направление может стать наиболее перспективным. В отличие от соседнего Китая в Японии нет избытка рабочих рук. А частые стихийные бедствия приучили японцев быстро восстанавливать инфраструктуру жизнеобеспечения своей страны собственными силами» [8].

По мнению известного японского политолога, профессора факультета международной политики и экономики Университета Аояма Гакуин Хакамада Сигэки, все отклики в России условно можно разделить на два вида. Первый вид реакции – это поспешная, слегка истеричная оценка дилетантов – в России поспешили приравнять произошедшее в Японии к аварии на Чернобыльской АЭС. Типичным примером такой реакции является упоминание в прессе о том, что 200 работников, первыми приступившие к ликвидации последствий аварии, «все облучены и скорее всего должны будут погибнуть мучительной смертью от лучевой болезни» [6]. Это преувеличение уровня опасности и негативных последствий аварии, и очевидно, что человек, написавший эти строки, не имеет четкого представления о сложившейся обстановке. Реальная ситуация такова, что в результате землетрясения магнитудой 9 баллов и последовавших за ним огромных цунами погибло или пропало без вести 27 600 человек. Что же касается аварии на АЭС «Фукусима-1», действительно, произошел выброс радиоактивных веществ, однако, в отличие от Чернобыля, работавшие в момент аварии атомные реакторы были остановлены автоматикой. В связи с этим объем выброса радиации был меньше чернобыльского в 10–14 раз, и в Японии ни среди работников, занятых на месте аварии, ни среди окрестного населения не было ни единого смертельного исхода или факта заболевания, вызванных радиационным облучением (по состоянию на 18 апреля). В этом плане ситуация вряд ли кардинально изменится и в дальнейшем, если только не произойдет накопление критической массы для новой ядерной реакции.

Другой вид реакции, наблюдаемый в России, – это рассудительный анализ специалистов. 12 апреля японское правительство на основе количественного анализа подняло оценку опасности аварии до «уровня 7», которому также соответствует авария на Чернобыльской АЭС. При этом генеральный директор «Росатома» Сергей Кириенко заявил, что «понять решение японского правительства трудно, даже невозможно», и что «по российским оценкам это 5-й или 6-й уровень» (обратный перевод цитаты, приведенной в газете «Асахи Симбун» от 14 апреля). Член Общественного совета Валерий Меньшиков и руководитель пресс-службы Сергей Новиков (из того же «Росатома») также высказались о том, что авария в Фукусиме не так серьезна, как Чернобыль, и что 7-й уровень – это завышенная оценка опасности (газеты «Емиури Симбун», «Никкэй Симбун» от 13 апреля). Многие российские специалисты в области атомной энергетики придерживаются подобного мнения. Стоит за-

метить, что и на международной арене такие деятели, как заместитель генерального директора МАГАТЭ Дэнис Флори, директор государственного Украинского научно-инженерного центра систем контроля и аварийного реагирования Людвиг Литвинский (ядерный физик), глава бюро радиационной защиты французского Института радиационной защиты и ядерной безопасности (IRSN) Патрик Гурмелон и другие, также отмечают качественные отличия между авариями в Фукусиме и Чернобыле, что эти аварии не могут рассматриваться как равнозначные (газеты «Асахи Симбун», «Санкэй Симбун», «Никкэй Симбун» и вечерний выпуск «Емиури Симбун» от 13 апреля) [1]. Конечно, Хакамада Сигэки детально российскую прессу не анализировал, и взгляд его, может быть, несколько упрощенный, торопливо высказанный по горячим следам событий.

Российская блогосфера активно отозвалась на события в Японии. Достаточно подробный обзор этого сделан в статье журналистки Е. Пищиковой «Период полураспада» [7], которая написана по материалам анализа блогосферы, где люди высказываются с вызывающей откровенностью, подчас на грани цинизма (как правило, анонимно, а следовательно, безответственно). Как пишет этот автор, «хотя и было выражено дипломатически необходимое сочувствие и предложена необходимая помощь, но по большому счету позиция все та же: выждем, посмотрим, что нам, власти и олигархам, будет выгоднее. Действительные проблемы властных структур отнюдь не нравственные, а геополитические: ослабеет ли Япония или быстро снова поднимется?». Как пишет автор, преобладает здоровый национальный эгоизм: «Трагедия в Японии – это да. Но не надо забывать и о себе». Позиция граждан, особенно на Дальнем Востоке, тоже понятна: нам ведь «на их машинах еще ездить и ездить».

Гражданское общество России по отношению к японской катастрофе оказалось заметно чувствительнее: общественные организации и отдельные люди предлагают всяческую помощь: от сбора средств до предложений забрать в свои семьи хотя бы на время пострадавших от землетрясения детей. И эти чувства противостоят эгоизму, смешанному со страхом. Истинный патриотизм и защита национальных интересов не противоречат чувству сострадания и желанию помочь оказавшимся в беде. Автор утверждает: «Механизм сострадания в отечественном обществе бесконечно изношен. Совершенно нет “нерассуждающего” сострадания – естественного автоматического душевного движения». А чего же можно было ожидать после 20 лет накачки общества идеологией эгоизма и потребительства?

Характерным для современной России является также откровенный инфантилизм молодежи: «отметился», т. е. пожалел, и пошел дальше («Я же ничем помочь не могу»); пусть кто-то там, облеченный властью, пожалеет их больше, например, все же отдаст им пресловутые Курилы. Пусть власти решают за меня, потому что они всегда так делают. Есть и прямо противоположная позиция: это Бог покарал японцев за их притязания на Курилы. Весьма характерные тексты можно обнаружить на полужурном сайте «Луркоморье», например: «Фукусима (яп. 福島市, дословно – «счастливый остров») – город и административный центр префектуры Японии. Прославился

как IRL, так и в интернетах своей удачной попыткой повторить подвиг одного украинского райцентра» [4].

В своей статье упомянутая выше Е. Пищикова выделяет еще одну группу – молодых гедонистов, проявляющих «стыдливость гедонистской жалости»: «Да, мне жалко этих людей, но понимаю, что ничем помочь им не могу». Да, это взгляд молодых и вполне обеспеченных людей, но без корней, без привязанностей, воспринимающих трагедию Японии как картинку на телеэкране, твердо знающих, что в случае непосредственной опасности лично для них они уедут, убегут за рубеж в любой момент. Только может случиться так, что бежать будет некуда.

Значительной части российского общества трудно понять чрезвычайно организованных японцев, которые борются со своей бедой в «горячем молчании» – очень закрытые, сдержанные, со стыдливостью страдания. На российский взгляд, японское общество слишком дисциплинированное, ограниченное огромной традицией самоцензуры, но где правила – там и правильность. В российских СМИ наивно удивлялись отсутствию мародерства в пострадавших районах, а для Японии это вовсе не удивительно. Можно сделать вывод и о том, что очень многие у нас стесняются проявления жалости и отличаются конформизмом и доходящими до цинизма суждениями. Но есть и позитивное: опыт прошлого все же учит, и, возможно, наши люди в недалеком будущем смогут без иронии оценить взаимопомощь простых людей, волонтерство. Хотелось бы в это верить.

Катастрофа в Фукусиме и ее социально-культурные последствия

Като Хирофуми, профессор (Центр северных культур, университет Хоккайдо, Япония)

Уважаемые коллеги! Мне очень приятно выступать перед вами, поскольку я начал свою научную жизнь именно здесь в Иркутске, на историческом факультете ИГУ, куда приехал в 1990 г. как стажер-исследователь после окончания университета Хоккайдо. Я много учился здесь и наладил множество контактов не только с археологами (моя специальность – древняя история), но и со многими русскими людьми. Когда я получил приглашение выступить перед вами по теме Фукусимы, я задумался, так как моя специальность совершенно не связана с современной социальной историей. В то же время разрушительное землетрясение марта 2011 г., вызвавшее аварию на АЭС в Фукусиме, повлияло на очень многих людей в Японии и во всем мире. Следствием этого была реакция в обществе, которую я наблюдал и которая продолжается и сейчас. Например, большое количество студентов и вообще молодых японцев добровольно отправились в район Фукусимы для участия в расчистке места катастрофы и восстановительных работах. И конечно, эти студенты длительное время отсутствовали в университетах и не могли посещать занятия. Но в университетах решили, что эта работа должна засчитываться как учеба и студенты не должны как-то пострадать из-за пропуска занятий. В Японии никогда не было подобной ситуации, причем инициатива направить добровольцев исходила от самих университетов, как частных, так

и государственных, без какого-либо вмешательства со стороны министерства образования.

События, о которых мы ведем речь, выявили и некоторые ошибки и недостатки государственной политики. Например, в Японии уже около 20 лет идут реформы университетов, системы образования вообще. При этом происходит существенное сокращение ряда специальностей. Эта катастрофа сразу показала – не хватает специалистов в самых различных областях. Эта катастрофа показала, что эти реформы были правильными и неправильными. Я получил информацию из различных университетов о том, как изменились после землетрясения отношения между людьми, между родителями и детьми. Это тоже очень интересная информация. Поэтому я решил, что хоть я и не специалист в данной области, но если вы что-то из моего доклада откроете для себя, я буду очень рад. И потом, обмениваясь мнениями, я буду рад узнать мнение иркутских ученых о катастрофе; это для нас очень важная информация.

Сначала отмечу, что в Японии не было информации относительно предложения президента Медведева. Я вспоминаю, что такую ситуацию в свое время моделировал японский фантаст Саке Комацу в книге «Гибель Японии». Тогда реально была дискуссия: куда мы поедем, если острова исчезнут? После Фукусимы в Японии сложилась аналогичная ситуация. Сейчас в обществе идут активные дискуссии по этому поводу, но главное их направление – это будущей атомной энергетики в Японии. Завтра (16 декабря 2012 г. – *Ред.*) в нашей стране парламентские выборы, и эта проблема сыграет в них не последнюю роль. Предполагается, что правящее большинство окажется у либерально-демократической партии. А как следствие – премьер-министром станет ее председатель Абэ Синдзо. Что интересно в политических дискуссиях последней недели, – в основном эта тема – какова будет наша стратегия по поводу АЭС. У каждой партии есть свое мнение; сейчас, на парламентских выборах, японцы могут выбрать, каким будет их будущее – это очень важный момент.

Катастрофу, произошедшую в Фукусиме, можно объяснить двумя причинами. Сначала было землетрясение; по фиксированным историческим данным, а они имеются с XII в., это было самое сильное землетрясение за нашу историю. И, во-вторых, сразу после землетрясения случилась авария на АЭС. Японцы никогда и не предполагали, что на японских АЭС возникнут подобные ситуации. Ни специалисты, ни государство не предполагали, что землетрясение такой силы возможно в Японии. Многие наши АЭС находятся на побережье. Сразу после этого землетрясения до Тихоокеанского побережья Японии дошло цунами. Погибло множество людей, несколько городов исчезли, произошла авария на Фукусимской АЭС. К сожалению, ее последствия Япония испытывает до сих пор, многие люди еще не могут вернуться домой. Авария на Фукусиме прямо связана с цунами. Никогда еще в Японии не было цунами такой силы. В тот день я был в университете, готовился к международной конференции. Приехали преподаватели из Канады, Англии. Мы на время включили телевизор, и я сначала не понял, что произошло, потому что все это слишком напоминало фантастический фильм-катастрофу – по телевизору показывали, как идет волна цунами. Мы видели: стоит машина по-

лиции, организуется дорожное движение, идет волна, и следующий кадр – это все уже под водой. Я никогда не видел такой страшной ситуации. На второй день телевидение уже сократило показ таких страшных кадров, начался контроль и дозирование информации. Появилась достаточно разноречивая информация, которой не всегда можно было верить. Потом премьер-министр объяснил, что они, подумав, решили, что будет лучше эту информацию контролировать, потому что многие люди, когда они смотрели на то, что происходило в первый день, начинали паниковать. 11 марта более 4 млн жителей в Токио не смогли вернуться домой. Как и в Москве, в Токио большинство людей работает в центре города, а так как Токио – гигантский мегаполис, конечно, им нужно пользоваться транспортом как минимум час, расстояние от пригорода до центра города большое. Землетрясение случилось после обеда, и 4 миллиона человек остались в центре. При этом остановилось все: электрички, метро, транспорт. Некоторые люди, например, как мой знакомый проф. Есида и его жена, вынуждены были добираться до дома пешком. Это заняло по времени 4 часа. Поэтому информацию, конечно, нужно было контролировать, необходимо было предотвратить панику. С другой стороны, многим иностранцам хотелось бы знать, что же происходит в Японии. Но, к сожалению, министерство иностранных дел ничего не смогло сделать в этом направлении, информация постоянно запаздывала, и люди уже не могли ей верить.

События марта 2011 г. породили множество проблем для жителей пострадавших районов. Многие люди потеряли свой дом и рабочее место, в префектуре Фукусима и близлежащих к ней южных районах люди стали скупать товары в магазинах. Сразу возникли сложности со снабжением продуктами питания и питьевой водой, для этих людей настала очень тяжелая жизнь и она продлилась несколько месяцев. Погибло 15 870 человек, 2846 человек числятся пропавшими без вести. И гибель большинства из них связана не с самим землетрясением, а с цунами. Почему погибли в цунами, это потому, что, в первую очередь, все произошло очень быстро. К сожалению, в школах, например, не было никаких инструкций о рекомендуемых действиях во время прихода цунами. Например, в одной из школ погибло семьдесят школьников потому, что инструкция, данная им, оказалась абсолютно противоположной рекомендуемой. Когда пришло цунами, их почему-то стали эвакуировать в сторону моря. Это – обычная тактика поведения в случае землетрясения или пожара, но не цунами. Они сразу попали под волну. Конечно, надо сказать, что у нас еще недостаточная подготовка к землетрясению или цунами. Было мало информации. После цунами, после катастрофы многие местные журналы и газеты начали публиковать инструкции о том, что надо делать во время крупных землетрясений и катастроф – куда идти, где можно найти убежище. Современная социальная ситуация в Японии такова, что осталось мало семей, в которых жили бы три поколения – дедушки, бабушки, родители и дети. Пожилые люди живут или в санаториях, или в домах престарелых, в любом случае – за городом. Молодые семьи чаще живут в центре, где работают или учатся. Поэтому во время катастрофы они, как правило, не имели возможности даже известить друг друга о своем положении, что вызывало сильный стресс и беспо-

койство. Это тоже, можно сказать, плохая подготовка общества. И, конечно, слишком много домов потеряны, более 300 тыс. человек лишились своих домов или не могут вернуться домой до сих пор. Это огромное количество.

До сих пор многие люди считаются пропавшими без вести. Много погибших в северной части Тохоку: в префектурах Мияги, Фукусима, Иватэ. Особенно в префектуре Мияги, где находится город Сэндай – самый большой по количеству населения в этой префектуре. Но сейчас внимание с Мияги переключилось больше на Фукусиму, где произошла авария на АЭС. Меня как специалиста по древней истории особенно беспокоит, что было безвозвратно утрачено множество культурных ценностей. В первую очередь, исторических данных. К сожалению, у нас не развита система архивов – нет городских или префектуральных архивов. Поэтому многие исторические письменные документы хранятся в местных краеведческих музеях. И во время цунами множество таких вот исторических материалов было уничтожено. Сейчас идет обработка этой информации в госуниверситете г. Нара, и это будет, наверное, бесконечно долго по времени. Во многих музеях Тохоку уже не смогут реконструировать потерянное в первозданном виде, потому что потеряно слишком много ценной информации. Министерство культуры Японии сообщает о том, что разрушено множество исторических мест и археологических стоянок, старинных буддистских храмов. Сейчас там идет восстановление, наверняка будет оказана финансовая помощь. Эта катастрофа серьезно повлияла на бюджет Японии. Пришлось перераспределить огромные суммы после землетрясения и цунами на восстановление Фукусимы, Мияги и Иватэ. И поэтому ситуация с бюджетом до сих пор остается очень напряженной. Сейчас в Японии идет внутривластная борьба. Я думаю, парламент не сможет хорошо спланировать бюджет будущего года. Финансовый год у нас начинается в апреле. Наверное, примерно до июня 2013 г. будет не ясно, каким же будет бюджет.

Частные университеты, как и государственные, получают значительную долю финансирования от государства, и уже в ноябре во многих университетах появилась проблема нехватки денег даже на зарплату преподавателям. Бюджет зависит и от размера университета. Некоторые частные университеты от нехватки денег берут кредиты в частных банках. И это будет продолжаться еще несколько лет. Экономический кризис, последовавший за этой катастрофой, как говорят, будет продолжаться еще 5 лет.

Как уже было сказано, многие люди потеряли дом, но им надо где-то жить, и поэтому государство срочно строит жилье. Если вспомнить большое землетрясение в Кобэ (17 января 1995 г. – *Ред.*), после него многие частные компании смогли быстро построить дома, пусть и временные. Пока для людей, потерявших дом, это очень важно. Однако и с этим вопросом не все обстоит благополучно, слишком большую роль играет политическая борьба между двумя крупными партиями. При этом не всегда бюджетные деньги используются для постройки домов. Эта работа идет не всегда оперативно. Меня волнует и проблема спасательных (археологических) работ. В городах, находящихся в префектурах Мияги и Фукусима, сохранялась тревожная ситуация из-за близости к морю. Сейчас государство хочет переносить эти го-

рода дальше от моря, но культурные ценности, накапливаемые в этих городах в течение нескольких веков, остаются в самих городах: в их числе многие археологические, исторические стоянки и места. Надо проводить спасательные работы, раскопки, чтобы вернуть эти ценности, и уже после этого можно строить здания. Понятно, что людям срочно требуется жилье, но существует проблема с выбором места под строительство – выбранное место могло находиться на территории археологического памятника. И тогда перед постройкой надо срочно проводить исследования, и тут же вновь обнаруживается нехватка специалистов. И вновь государство пожинает плоды своей недальновидной политики. В пострадавших префектурах за последние десять лет было сокращено 50 % специалистов-археологов, которые занимались спасательными работами. И вот результат: надо срочно действовать, а специалистов нет. Обычные люди не смогут проводить раскопки, нужны археологи, а их нет. В Японии, такой маленькой стране, казалось бы, работает самое большое количество археологов – 7 тыс. человек. Поэтому многие археологи с Хоккайдо, из Токио и других префектур группами приезжают в пострадавшие префектуры проводить спасательные работы. Но для археолога очень тяжело отправляться на раскопки больше, чем на пару недель, оставляя семью в другом городе, а на раскопки требуется большое время. Войска самообороны после землетрясения тоже помогают пострадавшим районам. Многие люди получили большой стресс от долгой тяжелой работы далеко от дома, многие заболели и некоторые, не знаю, сообщалось об этом или нет, даже совершили самоубийство. Поэтому для всех специалистов эта работа по восстановлению городов также очень большой стресс.

Катастрофа поставила перед обществом много серьезных вопросов. В первую очередь, это вопрос о решении проблемы экологии: загрязнения почв, морской среды, потому что, в первую очередь, почва связана с сельским хозяйством, а морская среда – с рыболовством. Это очень серьезная проблема.

Австралия и Новая Зеландия долгое время в больших объемах покупали японские продукты, а сейчас не хотят, потому что справедливо опасаются радиации. Разрушены многие продовольственные системы. В префектурах Иватэ и Мияги находились большие автомобильные заводы, и в них тоже после землетрясения остановилось производство машин. Автомобилестроение – очень важная отрасль промышленности, их производство – важная часть японской экономики. Компенсация ущерба и финансовые проблемы – это все будет продолжаться не один год, а как минимум пять лет.

Японцы мало интересуются политикой и не хотят все резко менять, они хотят стабильности и предсказуемости от политических партий. Но после этой катастрофы многие люди стали проявлять интерес к программам различных партий: они хотят знать, у кого наиболее оптимальная стратегия будущего страны. Это связано и с тем, что в Японии, к сожалению, в последние двадцать лет мало занимались поиском новых методов получения энергии.

Если сравнить японскую катастрофу с Чернобылем, можно увидеть, что наиболее крупный ближайший город – Минск (1,9 млн чел.) более или менее был отдален от радиуса наибольшего заражения радиацией, а в случае с Фу-

кусимой – крупный город Сэндай (население – более 1 млн чел.) находится ближе, чем в ста километрах от АЭС, и город Ниигата (более 800 тыс. чел.) – на расстоянии менее двухсот километров. Да и многомиллионный Токио – столица Японии – на расстоянии около трехсот километров.

15 марта 2011 г. в районе катастрофы прошел сильный дождь, и после дождя радиация распространилась в центральной части Японии. Кроме Фукусимы, под угрозой заражения радиацией оказались многие центральные префектуры.

20 марта вновь шел дождь, и радиация продолжила широкой полосой распространяться по острову Хонсю. Прибрежные воды Тихого океана были заражены радиацией, а именно здесь было хорошее место для рыболовства, так как здесь смешиваются два течения, холодное и теплое. Этот богатый рыбой и морепродуктами район оказался заражен радиацией. И через сколько лет теперь здесь можно будет рыбачить – неизвестно.

В радиусе ста километров от места аварии находятся несколько крупных городов. Для 320 тыс. человек, потерявших дом, в них нет ни жилья, ни работы. Если сравнить это землетрясение с землетрясением, произошедшим в Кобэ, то можно сказать, что люди, которые потеряли рабочие места в Кобэ вследствие землетрясения, смогли найти новую работу в Осаке, которая находится сравнительно близко к данному району. И поэтому восстановление, как экономическое, так и социальное после землетрясения в Кобэ удалось провести достаточно быстро.

К сожалению, в этот раз землетрясение привело к потере работы большим количеством людей. Префектуры Иватэ, Мияги и Фукусима находятся слишком далеко от Токио, поэтому в этом случае люди не смогут восстановить жизнь так быстро, как это было после землетрясения в Кобэ. В префектурах Иватэ, Мияги и Фукусима более 20 % проживающего населения – люди старше 65 лет, в отличие от Кобэ, где процент пожилых людей – 11. В среднем в Японии людей старше 65 лет около 20 %. И поэтому для этого количества немолодых людей в Тохоку искать новое рабочее место и построить новый дом в принципе невыполнимая задача, потому что банки не дадут кредит человеку старше 65 лет. Если сравнивать экономическое развитие двух этих районов, то мы увидим, что Кобэ – более развитая экономическая зона. В Тохоку сельским хозяйством занимается гораздо больше населения, чем в Кобэ. Это тоже важная причина, по которой пострадавший район после землетрясения 11 марта 2011 г. сложнее восстановить, чем после землетрясения в Кобэ.

Сейчас, когда в стране намечается смена правящей политической партии, журналисты начали критиковать действия властей после катастрофы на Фукусиме. Конечно, демократические партии в прошедшие два года выделили огромное количество денег для восстановления разрушенных городов. Меры были приняты разные, в том числе сокращение зарплаты, бюджетов университетов, других бюджетных учреждений и т. д. Они приготовили сумму, равную около 180 млн американских долл., требующуюся для восстановления пострадавших районов, но из них непосредственно на восстановление используется только 109 млн, а куда направлена остальная часть – непонятно.

Журналисты в последнее время пишут, что деньги, выделенные на реконструкцию, используются в других целях. Обнаружились, например, 4 млн долл., которые используются совсем для других целей. Покупаются новые машины, вертолеты, строятся дороги на Хоккайдо и Окинаве, и это никак не связано с реконструкцией разрушенных землетрясением и цунами зон. И поэтому сейчас в журналах и газетах очень сильно критикуются эти действия. У нас в университете, например, сократили зарплату преподавателей на 10 %. И это связано с реконструкцией. И никто не возражает против этого, потому что понимают надо помочь, многие люди с этим согласились, но чиновники-то используют эти деньги на совсем другие цели. Это тоже повлияет на выбор народа на ближайших парламентских выборах.

При этом выяснилось, что из собранных с большим трудом денег Министерство энергетики использовало 107 млн долл. для стимулирования исследований в области создания новых ядерных технологий. Это парадокс! Этот факт долго скрывали, но сейчас стало известно, что имеет место такая ситуация.

Еще я хочу рассказать о последствиях катастрофы для обычных людей. Как уже было сказано, многие люди ездили волонтерами на Фукусиму. После землетрясения в Кобэ в первый месяц волонтерами приехали туда 600 тыс. человек. Что касается землетрясения в Фукусиме и Мияги, то сюда люди не смогли сразу поехать в большом количестве.

Это любопытная тенденция – в первые два месяца после землетрясения в Кобэ наблюдалась большая реакция и желание со стороны народа оказать помощь пострадавшим. Но по прошествии четырех месяцев количество волонтеров стало быстро сокращаться. Это было связано с тем, что в Кобэ смогли быстро нормализовать обстановку, восстановить разрушенное. В Тохоку же нужно значительно больше времени на восстановление, требуется постоянная помощь. Поэтому количество волонтеров остается по-прежнему большим. Конечно, по сравнению с количеством волонтеров в Кобэ здесь их гораздо меньше, но, с другой стороны, это количество максимально возможное, потому что в Тохоку – префектуры Мияги, Фукусима, особенно в Фукусиму, – людей особо не пускают. В Иватэ, Фукусиме местное население не может принимать слишком большое количество волонтеров. Но сочувствие к происходящему в Фукусиме сохраняется гораздо дольше, чем это было в Кобэ.

Что еще интересно – это то, что по результатам анкетирования, проведенного после катастрофы в Японии, среди японцев изменились настроения. В настоящее время многие люди (до 74 % опрошенных) обращают внимание на важность человеческих отношений, интересуются новыми знакомствами. 72 % опрошенных считают, что надо подумать о том, как помочь другим людям, что между людьми должна быть взаимопомощь. И многие японцы сейчас заинтересованы не только в восстановлении инфраструктуры, но и в восстановлении общественных отношений. Многие люди задумываются о том, чтобы не тратить деньги впустую, о необходимости контролирования и экономики электроэнергетики. Этим летом многие люди выключали электрические кондиционеры, меньше ездили на автомашинах. Начинается изменение стиля жизни в Японии. Так постепенно меняется точка зрения японцев. Люди стали

потреблять меньше энергии. 84 % людей стали больше обращать внимание на отношения с семьей и друзьями. По прошествии времени у людей сменилось и осознание целей в их жизни.

Анкетирование, проведенное после катастрофы, показало и заметные изменения во внутрисемейных отношениях японцев. Родители отмечают, что события марта 2011 г. способствовали переоценке ценностей во взаимоотношениях с детьми. Многие стали больше внимания уделять воспитанию в детях сострадания к людям, осознания социальных и экономических проблем общества, поддержания хороших отношений с родителями и друзьями. Говорят, что в современных японских внутрисемейных отношениях заметна американизация, утрачиваются старые японские семейные традиции – это подтверждают социологические исследования. Сейчас же, после катастрофы, многие люди хотели бы вернуть прежние социальные отношения, особенно в семье.

Интересно изменение мнения женщин по поводу выбора спутника жизни. Если раньше их в основном интересовала зарплата, рабочее место, то сейчас их стал больше интересовать характер человека; более важно то, какой человек, а не какое у него рабочее место, зарплата, насколько большой дом, хорошая машина и пр. В прошлом году студенческий кооператив нашего университета проводил анкетирование среди студентов об изменении жизни после катастрофы. Показатели интереса к предложенным вопросам и проблемам у студенток и студентов оказались различными. Как показало это анкетирование, заинтересованы в предупреждении стихийных бедствий среди студентов 66 %, среди студенток – 77 %; заинтересованными в вопросе социального участия в борьбе с последствиями катастрофы оказались 55 % юношей и 67 % девушек. Среди опрошенных студентов своим вкладом в помощь обществу заинтересовалось 56 % студентов и 69 % студенток, что подтверждает рост интереса к данным вопросам. Свое внимание на улучшение отношений в семье, на то, что надо ею дорожить и оберегать, обратило 54 % юношей и 72 % девушек. Интересно, что изменения во взгляде на жизнь проявляются больше у студенток, чем у студентов. Может быть, студентки чаще задумываются о своей жизни в будущем?

Как еще реагировали люди в Японии на последствия катастрофы и предотвращение их в будущем? Вы наверняка знаете кинорежиссера Миядзакэ Хаяо (известный режиссер-аниматор). Он стал одним из тех многих известных людей, которые проводили акции против АЭС. Он ходил около своего офиса с плакатом на груди, тем самым выражая свой протест. Кроме того, такие известные люди, как Оэ Кэндзабуро (писатель-гуманист, Нобелевский лауреат), Сакамото Рюити (музыкант и композитор, лауреат «Оскара»), Ямада Едзи (известный кинорежиссер), активно занимались организацией общественных акций против АЭС. Многие люди сейчас стали выступать против АЭС. Многие митинги организуются женщинами: мамами с детьми. И в этих митингах нет никакого политического намека, они просто хотят спокойной и безопасной жизни. Такие акции стали проводиться с 2011 г. Сначала митингующие собирались маленькими группами, первый митинг был именно 11 марта. Этот и последующий митинги не были связаны с политическими партиями, это были

обыкновенные митинги для обыкновенных людей. В этот день в токийском районе Сибуйя собралась тысяча человек. Примерно столько же собралось на Гиндзе 20 марта. 10 апреля 2011 г. в парке Тиба собралось 2,5 тыс. человек. Информация быстро разлетелась по Интернету, и 11 июня в Синдзюку собралось уже 79 тыс. человек. Следующий крупный митинг состоялся в сентябре, 19 числа, на нем собралось 60 тыс. человек в парке Мэйдзи. И уже в этом году, 16 июля, 170 тыс. человек собрались в парке Йоедзи с призывом: «Прощай, АЭС!». Они не проявляют никакой агрессии, а провели спокойную, мирную демонстрацию с плакатами. Сейчас продолжается одна очень интересная акция. Каждую пятницу перед домом премьер-министра собираются люди с целью высказать свое мнение. Эти демонстрации тоже носят мирный характер – люди собираются попить кофе, попеть песни. С каждой пятницей количество народа, участвующего в этих демонстрациях, стремительно растет.

Как я сказал, совсем скоро в Японии парламентские выборы. Отдавая голоса за ту или иную партию, а следовательно, и за нового кандидата на пост премьера, люди задаются одним вопросом: продолжится ли создание новых АЭС? Возникли даже новые партии, и у каждой из них свое отношение к энергетической политике. Кто-то хочет оказать содействие развитию АЭС, кто-то хочет отказаться от этого. Демократические партии более или менее хотят зависеть от атомной энергии. Коммунистическая и социалистическая партии же хотят хотя бы частично приостановить развитие атомной энергетики, они считают, что надо менять стратегию. Выборы декабря 2012 г. проходят в уникальной ситуации. Партии должны ответить на вызовы природы и общества. Каким мы видим будущее Японии? Уже многие десятилетия этот вопрос в нашей стране не стоял так остро, как сейчас.

Вопросы

Д. В. Козлов, канд. ист. наук, доцент ИГУ: Я хотел бы поблагодарить за блестящий доклад, погружающий в комплексность восприятия современным японским обществом последствий этой катастрофы. Вы сравниваете это землетрясение и цунами на Фукусиме с землетрясениями двадцатых годов, с землетрясением в Кобэ. Возможно ли сравнить эту катастрофу с катастрофами ядерной бомбардировки Нагасаки и Хиросимы в ходе Второй мировой войны? Похожи ли социокультурные последствия этих событий? Можно ли рассуждать о специфической японской реакции на эти катастрофы?

Проф. Като Х.: Это очень интересный вопрос! В то время, когда в Японии начали создаваться первые АЭС, партия ЛДП, тогда правящая, не проводила каких-то параллелей с использованием атомной энергии в военных целях. То, что мы сейчас строим, создаем новые технологии, никак не связано с военными целями, только мирными. Газеты и простые люди никак не связывают эти катастрофы между собой и не проводят каких-то аналогий. Может быть, если речь идет о СМИ, здесь и присутствует элемент контроля информации. Катастрофа на Фукусиме больше сравнивается с Чернобылем. Ее никогда не сравнивали с Нагасаки и Хиросимой. Но опасность радиации, конечно, связывает эти катастрофы. В средствах массовой информации мне такие сравнения не встречались. При этом надо помнить, что технологии атом-

ной энергетики, используемые на Фукусимской АЭС и на других АЭС, пришли из Америки. Поэтому некоторые журналисты и допускают критику американцев за то, что те сначала сбросили две атомные бомбы на Японию, а потом, можно сказать, предложили нам третью.

Вместе с тем я думаю, вряд ли корректно сравнивать катастрофу на Фукусиме с катастрофами сорок пятого года. Простой народ думает, что атомная энергетика достаточно опасна, и многие демонстрации организуются женщинами. Многие молодые семьи опасаются после аварии на Фукусиме возможности рождения ребенка с нарушениями, вызванными радиацией. Многие мои знакомые, у которых есть маленькие дети, даже в Токио хотели сменить рабочее место после произошедшего на Фукусиме.

Также в Японии происходит сокращение расходования энергии с целью показать важность обычных электростанций. К сожалению, у нас сейчас почти не добывают каменный уголь, а нефть и газ покупаются из-за границы. Поэтому каждый источник энергии очень важен. И только АЭС могут производить энергию внутри Японии без особой зависимости от других государств. Поэтому по Японии идет пропаганда идеи, что невозможно закрыть все АЭС.

Проф. С. И. Кузнецов: Говоря о нецелевом расходовании средств, предназначенных для восстановления и помощи пострадавшим районам, имели ли вы в виду настоящую коррупцию? То есть, например, тратили ли чиновники деньги, выделенные на устранение последствий аварии на Фукусиме, на личные цели? Например, на строительство дома для себя?

Проф. Като Х.: Но это совершенно немыслимая ситуация. Если бы они так делали, их бы непременно арестовали! Говоря о нецелевом использовании средств, я имел в виду направление их на строительство, например, дорог, тоннелей и прочего в других районах Японии, никак не затронутых землетрясением.

Канд. филос. наук, доцент М. Я. Рожанский: Если говорить об исторических травмах, существовали ли в Японии такие травмы, которые помнят по сей день?

Проф. Като Х.: Окончательный отчет о последствиях катастрофы еще не опубликован, но историческая травма после катастрофы реально есть. Дело в том, что многие люди потеряли свои семьи и уже никогда не смогут зажить прежней жизнью. Есть такое парадоксальное мнение у некоторых японцев, что они не могут возвращаться на место, где погибли их близкие. Людям сейчас очень требуется не только физическая, но и психологическая помощь. В Кобэ долго оказывалась такая помощь, потому что по истечении года после трагедии стали совершаться многочисленные самоубийства. Это стало происходить именно тогда, когда жизнь постепенно стала налаживаться. Пока люди восстанавливаются, заново обживают дом, заняты делом, они мало уделяют времени памяти о погибших. Но спустя год, начав новую жизнь, человеку психологически начинает чего-то не хватать. У многих возникает вопрос: почему остался только я? Поэтому, конечно, такая травма имеет место в современной Японии.

1. Взгляд из Японии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eri-21.or.jp/russia/>.

2. Жириновский призвал японцев переселяться в Россию [Электронный ресурс] // Главред. – URL: <http://glavred.info/archive/2011/03/13/141706-15.html>.

3. Захарова А. Президент обещает рабочие места пострадавшим от землетрясения японцам [Электронный ресурс] // ArbatCity. – URL: <http://arbatcity.ru/career/95-prezident-obeschaet-rabochie-mesta-postradavshim-ot-zemletryaseniya-yaponcam.html>.

4. Луркморье [Электронный ресурс]. – URL: <http://lurkmore.to>.

5. Независимая газ. – 2011. – 24 апр.

6. Независимая газ. – 2011. – 29 марта.

7. Пищикова Е. Период полураспада [Электронный ресурс] // Экологическая правда. – URL: <http://www.eco-pravda.ru/page.php?id=2206>.

8. Чем и как Россия может помочь Японии? [Электронный ресурс] // Экологическая правда. – URL: <http://www.eco-pravda.ru/page.php?id=2226>.

9. Японцев зовут жить в Хакасию [Электронный ресурс] // SIBNET : информ. портал. – URL: <http://info.sibnet.ru/?id=304680>.

Fukushima: Socio-Cultural Consequences of the Catastrophe. Japanese-Russian Workshop

D. V. Kozlov, S. I. Kuznetsov

*Center for Advanced States and Education, Irkutsk
Irkutsk State University, Irkutsk*

This seminar is devoted to detailed analysis of the effects of the negative impact of aggressive environmental factors (such as earthquakes, tsunamis, atomic explosions, etc.) on the social, political, economic, psychological, cultural and historical spheres of the state, its population. The discussion was based on Japan's experience of overcoming the consequences of Fukushima disaster, during which both natural and anthropogenic factors appeared. Participants of the seminar analyzed problems of reproduction of historical memory in different countries concerning the events connected with the historical, social, political and cultural clashes. In particular, researchers analyzed Japanese historical experience connected with reactions to the events of the atomic bombing of Hiroshima and Nagasaki and reactions to Fukushima catastrophe.

Key words: Fukushima, historical memory, reproduction, injury.

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, научный директор МИОН, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, оф. 312, тел. 8(3952)202270, e-mail: mimo@hist.isu.ru

Кузнецов Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)241974, e-mail: ski@home.isu.ru

Kozlov Dmitry Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, Scientific Director of the Center for Advanced Studies and Education (CASE), 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, office 312, phone 8(3952)202270, e-mail: mimo@hist.isu.ru

Kuznetsov Serguey Ilyich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and International Relations, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)241974, e-mail: ski@home.isu.ru